О ПОЛЬЗѢ ЦАРЕУБІЙСТВА

В. Зайцева

CAROUGE — (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1900

„Каров 50

„Пров 49“

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
3956
24

О

ПОЛЬЗѢ ЦАРЕУБІЙСТВА

„Напрасно говорятъ, Шуваловъ," что цареубійство не только не полезно, но якобы даже вредно. Этотъ софизмъ Прудонъ доказывалъ примѣрами изъ древней исторіи, а „Вѣстникъ Европы"—изъ средней и новой, и, къ сожалѣнію, доказательства эти принимаются на вѣру безъ провѣрки между прочимъ и авторомъ статьи „Умѣреннымъ" въ № 36 „Общаго Дѣла". Между тѣмъ трудно придумать положеніе, которое болѣе нарушало бы историческую истину, чѣмъ это. Но полемизировать противъ Прудона надо предоставить надпольнымъ журналамъ, а полемизировать съ „Вѣстник. Европы" можно только гороху объѣвшись. Поэтому выступить на защиту угнетенной исторической истины побуждаетъ меня только дальнѣйшее распространеніе этого софизма даже въ такихъ журналахъ, какъ „Общее Дѣло". Побуждаетъ меня къ этому именно рыцарственное отношеніе мое къ вышеназванной угнетенной Дульцинеѣ, а никакъ не политическіе взгляды. Еслибы я имѣлъ личную

симпатію къ цареубійству, я совершилъ бы его; но въ качествѣ жреца науки, а не героя жизни, я не могу оставить безъ отмщенія посягательства на ея истины. Поэтому обращаюсь въ вашъ журналъ не поколику онъ „газета политическая“, а поколику онъ „и литературная“.

Но прежде чѣмъ приступить къ опроверженію исторической лжи, мнѣ необходимо гарантировать себѣ твердую почву, оградиться отъ другихъ софизмовъ, могущихъ быть направленными противъ самаго основанія моихъ разсужденій. Противъ софизма: цареубійство безполезно или даже вредно — я выставляю какъ историческую истину, положеніе: цареубійство полезно. Но прежде всего я считаю необходимымъ условиться на счетъ понятія пользы. Поэтому я спрашиваю, на какой срокъ должно простираться полезное дѣйствіе историческаго факта, чтобы онъ былъ признанъ полезнымъ? Ибо, ежели измѣрять дѣла человѣческія вѣчностью, то извѣстно уже, что сравненіе выдержитъ только соленый огурецъ. Полезно ли было Саламинское сраженіе, спасшее цивилизацію? Нѣтъ, отвѣтитъ любитель вѣчности, потому что черезъ 1000 лѣтъ цивилизація все-таки погибла. Во избѣжаніе такихъ отвѣтовъ я предлагаю считать историческій фактъ полезнымъ, если онъ оказываетъ полезное дѣйствіе на современное поколѣніе. Довлѣетъ дневи злоба его, и довольно сдѣлалъ человѣкъ, если помогъ своимъ современникамъ. Еслибы всѣ дѣятели хлопотали только о потомствѣ, то никакой прогрессъ не былъ бы возможенъ. Кто не согласенъ съ этимъ

первымъ моимъ условіемъ, тотъ можетъ не читать моихъ доказательствъ.

Мое второе условіе въ томъ, что подъ цареубійствомъ, о которомъ будетъ идти рѣчь, должно подразумѣваться не просто всякое насильственное лишеніе живота предержащей власти, а цареубійство политическое, т. е. имѣющее цѣлью перемѣну политической системы въ обществѣ. Ибо если какой-нибудь Синахерибъ лишается живота своимъ сыномъ съ цѣлью завладѣть его троном и гаремомъ, то это столь же мало можетъ имѣть послѣдствія для общества, которое немедленно попадаетъ въ руки Синахерибовича, какъ еслибы цареубійство совершилъ медвѣдь на охотѣ или пристрастный къ кровопусканіямъ лейбъ-медикъ при леченіи отъ несваренія въ желудкѣ. Это условіе важное, потому что имъ устраняется множество случаевъ, на которые побѣдоносно ссылаются защитники софизма.

Послѣ этихъ оговорокъ приступимъ къ дѣлу.

Древняя греческая исторія представляетъ больше всего примѣровъ цареубійствъ. Оно и понятно. Тамъ, въ историческія времена, монархія или, какъ она тамъ называлась, тиранія была ненормальнымъ общественнымъ состояніемъ. Нормальнымъ состояніемъ было самоуправленіе общины, аристократической или демократической; тиранія являлась только какъ результатъ кризиса въ борьбѣ полноправнаго аристократическаго меньшинства съ безправнымъ большинствомъ общины. Убійство тирана было возвращеніе общества въ нормальное состояніе; поэтому почти всѣ цареубійства были

тамъ политическія, имѣли цѣлью возстановленіе республики.

Ихъ было такъ много, что еслибы разбирать ихъ всѣ, прошлось бы написать цѣлую книгу. Мы остановимся только на самомъ знаменитомъ прототипѣ прочихъ, на подвигѣ Гармодія и Аристогитона. Прежде всего замѣтимъ, что это цареубійство было неудачно, потому что тирановъ было два, а убить удалось только одного, что равносильно полной неудачѣ. Между тѣмъ верхъ нелогичности доказывать вредъ цареубійства примѣрами неудачныхъ покушеній; это все равно, что доказывать вредъ опыта въ наукѣ примѣрами неудачныхъ опытовъ. Поэтому когда софисты съ торжествомъ указываютъ намъ на примѣръ аналогичнаго съ подвигомъ Гармодія и Аристогитона заговора Пацци во Флоренціи, мы можемъ имъ отвѣтить лишь одно: устыдитесь! Но, наоборотъ, совершенно согласно съ логикой указать на примѣръ даже вполнѣ неудачнаго цареубійства въ доказательство его полезности вообще. Въ самомъ дѣлѣ, если даже неудачный опытъ привелъ къ полезному для науки выводу, то что тѣмъ болѣе подтверждаетъ пользу опыта вообще. Относительно же подвига Гармодія и Аристогитона аѳиняне, которые, какъ заинтересованные въ дѣлѣ современники, могли судить лучше насъ, судили его такъ, что творцами своей свободы признавали этихъ героевъ, а не Клистена, свергшаго тирана; имъ воздвигли памятники на первомъ мѣстѣ своего города, а не непосредственнымъ дѣятелямъ революціи. И древніе писатели объясняютъ намъ это. До покушенія

тираны либеральничали, мягко слали, играли въ „просвѣщенный абсолютизмъ“. Послѣ же него оставшійся въ живыхъ Гиппій очертенѣлъ на подобіе Александра II, отъ страха и подозрительности сталъ бросаться на людей, такъ что вскорѣ сдѣлался совершенно невозможенъ, и когда черезъ пять лѣтъ Клистенъ съ эмигрантами и спартанцами принудилъ гнать его, то отъ него отступились даже божьи коровки, издававшія въ то время „Вѣстникъ Европы“, что и позволило протурить его.

Въ числѣ многочисленныхъ случаевъ удавшихся цареубійствъ въ греческой исторіи былъ не одинъ, конечно, гдѣ вслѣдъ за убійствомъ тирана тотчасъ являлся новый, въ сравненіи съ которымъ, по выраженію поэта Алкея, первый могъ считаться порядочнымъ человѣкомъ. Мы отвѣтимъ заразъ на всѣ возраженія, которыя можно основать на этихъ фактахъ, перейдя къ римской исторіи и остановившись на болѣе другихъ извѣстномъ примѣрѣ убійства Цезаря. Здѣсь софисты окончательно торжествуютъ, и мы должны сознаться, что это тираноубійство, столь повидимому удачное, совершенное при столь благопріятныхъ условіяхъ людьми высокопоставленными, сенаторами и губернаторами, оказалось совершенно безполезнымъ и, пожалуй, даже вреднымъ, потому что привело только къ 15 годамъ новой рѣзни. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ множества историческихъ побѣдъ можетъ быть половина оставалась безъ результатовъ, и въ томъ числѣ такія, какъ Аргинузская и Каннская въ древней исторіи, какъ Куликовская и Анкирская въ средней, какъ Бородинская и Дрезденска

въ новой исторіи. Можно даже доказать, что нѣкоторыя изъ нихъ были не только безполезны, но вредны побѣдителямъ. Еслибы Наполеонъ потерялъ битву при Бородинѣ, то раньше отступилъ бы въ Литву, и армія его не погибла бы. Еслибы Аннибалъ былъ разбитъ въ самомъ началѣ войны, то она не приняла бы такого рѣшительнаго характера и не привела бы къ уничтоженію Карѳагена. Основываясь на этомъ, можно ли вывести правиломъ, что побѣждать въ войнахъ безполезно и даже вредно? По этому правилу лучшій полководецъ будетъ Бенедекъ, который на седьмой же день дастъ себя разбить, разсуждая, что тѣмъ меньше государству придется платить военныхъ издержекъ.

Что касается остальныхъ фактовъ римской исторіи, то всѣ они доказываютъ пользу цареубійства. Но число ихъ вовсе не такъ многочисленно, какъ кажется. Правда, по историческимъ сплетнямъ изъ первыхъ 11-ти императоровъ естественной смертью умеръ только одинъ; но естественная смерть троихъ есть не болѣе, какъ сплетня (Августа, Тиберія и Тита); изъ прочихъ одинъ былъ отравленъ женой, одинъ былъ свергнутъ и лишилъ себя жизни, а трое погибли въ солдатскихъ бунтахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ цареубійствомъ. Остаются двое, Калигула и Домиціанъ. Убивши перваго, Херея избавилъ Римъ и міръ отъ бѣшенаго эпилептика, и хотя ему наслѣдовалъ Клавдій, и мы теперь черезъ 1800 лѣтъ можемъ довольно презрительно относиться къ этой перемѣнѣ, однако еслибы мы жили въ 41 году по Р. Х., то радовались бы уже

и тому, что не рискуемъ быть живьемъ распиленными здорово живешь. Что касается до Домиціана, то послѣ его убійства началось то столѣтіе римской исторіи (96—180), которое Гиббонъ называетъ счастливѣйшей эпохой въ жизни всего человѣчества. По прошествіи этого времени было послѣднее цареубійство Коммода, которое возвратило бы счастливыя времена Антониновъ (съ Пертинаксомъ), еслибы варвары уже не овладѣли міромъ, сначала въ видѣ римскихъ легіоновъ, а потомъ прямо своими ордами. Въ это время много императоровъ было убито ближайшими родственниками и солдатами; но политическихъ цареубійствъ не было.

Въ исторіи новыхъ народовъ о политическихъ царейубійствахъ можетъ быть рѣчь только съ тѣхъ поръ и въ тѣхъ странахъ, когда и гдѣ является политическій идеалъ. Иначе это не выходитъ изъ сферы семейныхъ непріятностей, какъ у какихъ-нибудь Меровинговъ. Конечно, англійскому народу было все равно, умеръ ли его король Эдуардъ II отъ поноса или отого, что ему жена запихнула желѣзную палку въ задній проходъ. Но въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ цареубійство дѣлалось въ интересахъ общества или какой нибудь партіи, интересъ этотъ всегда имъ достигался. Іезуиты очень хорошо знали, что дѣлаютъ, убивая Генриха IV: это убійство спасло католицизмъ и сдѣлало возможнымъ 30-лѣтнюю войну со всѣми ея послѣдствіями. Намъ скажутъ: тѣмъ хуже. Конечно, тѣмъ хуже, но вѣдь цареубійство это дѣлалось въ интересѣ іезуитовъ, а не республиканцевъ, которыхъ

тогда не было; поэтому оно и послужило на пользу того, кто его дѣлалъ.

Какъ на примѣры безполезныхъ или даже вредныхъ цареубійствъ указываютъ на казни Карла I и Людовика XVI. Но во время ихъ казни они уже не были королями, слѣдовательно, нельзя и говорить о цареубійствахъ. Вопросъ о вредѣ ими пользѣ ихъ казни сводится къ вопросу о полезности смертной кезни вообще. Вопросъ этотъ давно рѣшенъ отрицательно, и теперь даже между прокурорами мало найдется людей, еще толкующихъ о полезномъ дѣйствіи устрашенія; все, чѣмъ еще защищаютъ казнь, это требованіями нравственнаго удовлетворенія общественной мести. Мы не станемъ доказывать, что въ этихъ случаяхъ, гдѣ претензіи этихъ двухъ людей ввергли цѣлыя страны въ междоусобія, стоившее тысячъ жизней, гдѣ они на каждомъ шагу совершали обманы, измѣны, клятвопреступленія, месть эта могла быть гораздо понятнѣе, чѣмъ относительно какого-нибудь безграмотнаго голоднаго бродяги; эти соображенія не относятся къ нашему предмету.

Обращаясь къ русской исторіи, мы видимъ въ ея императорской эпохѣ два цареубійства, которыя привели къ двумъ эпохамъ, почитаемымъ самыми блестящими во всемъ этомъ періодѣ. Мы не раздѣляемъ восторговъ ни передъ Наказомъ Екатерины, ни передъ ея громами побѣдъ; но именно люди, склонные къ этимъ восторгамъ, не должны забывать, что введеніемъ къ этому царствованію послужила безобразная сцена въ Ропшѣ. Съ другой стороны и мы не можемъ не признать, не

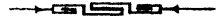
смотря на позднѣйшую Аракчеевщину, что избавленіе отъ Павла I было очень счастливымъ событіемъ, и въ какомъ бы свѣтѣ не представлялось намъ теперь царствованіе Александра I, но все же переходъ къ нему отъ Павла I былъ столь же выгоденъ для современниковъ, какъ переходъ отъ Калигулы къ Клавдію. Поэтому русскимъ либераламъ, у которыхъ такъ свѣжи примѣры полезныхъ цареубійствъ, меньше чѣмъ кому-нибудь позволительно отрицать пользу цареубійства.

Что касается Европы, то въ ней въ новой исторіи нѣтъ почти примѣровъ удачныхъ цареубійствъ, а мы уже говорили о нелѣпости ссылаться на неудачныя. Удачное убійство маленькаго пармскаго деспотишки само собою не могло ни къ чему привести по его микроскопическому значенію. Убійство герцога Беррійскаго было бы очень полезно даже для самой старшей линіи Бурбоновъ, потому что еслибы была положительная надежда, что она имѣетъ пресѣчься со смертью стариковъ, то, вѣроятно, не стали бы дѣлать іюльской революціи. Но іезуиты устроили чудо рожденія Шамбора и этимъ уничтожили пользу дѣла Лувеля.

Что же касается даже до неудачныхъ цареубійствъ, то во многихъ случаяхъ ясно, что неудача ихъ крайне прискорбна и что противный исходъ былъ бы великимъ счастіемъ для цѣлыхъ народовъ. Довольно указать на дѣло Орсини, которое при удачѣ спасло бы Францію отъ Мексиканской войны и отъ погрома 1870 года, предупредило бы для Альзаса и Лоррены прусское завоеваніе. Тамъ, гдѣ человѣкъ забираетъ такую

власть, что по своему капризу можетъ ввергнуть въ ужасныя бѣдствія милліоны другихъ людей, однимъ мановеніемъ обречь на гибель сотни тысячъ, тамъ убійство его представляется несомнѣнно спасительнымъ дѣломъ, и совѣсть должна сказать ему, какъ въ Châtiments В. Гюго:

„Tu peux tuer cet homme avec tranquillitè“.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ